

Сергей Минаев
Москва, я не люблю тебя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2900935
Москва, я не люблю тебя / Сергей Минаев: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-39708-0*

Аннотация

Главный герой нового романа Сергея Минаева – Москва... Этот город не делает людей лучше и очень скоро избавляет от иллюзий, но его огни так загадочно мерцают по ночам, что люди невольно начинают мечтать о невозможном. Одни только и делают, что ведут интеллектуальные беседы; другие окружают себя дорогими вещами, наслаждаясь своим индивидуальным раем; третьи тяжело работают за гроши... Но все они мечтают, и их мечтами пронизан сам воздух мегаполиса.

И хотя автор сочувствует своим персонажам, он мастерски переходит от юмора к иронии, от иронии – к сарказму.

Содержание

Звезды	4
Модернизатор	8
Кафе «Чеховъ»	12
Приручая дракона	16
Гастарбайтеры	26
Душно	31
Mentos! The freshmaker!	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Минаев

Москва, я не люблю тебя

Моей Бабушке

Чрезмерный пессимизм так же противен, как и чрезмерный оптимизм. Два дурака, только разного цвета – черный и розовый.
Анатолий Мариенгоф

*Он придет домой и снимет пиджак,
Подойдет к окну и будет смотреть
На провода и на окна «Пельменной».
А когда он докурит, он встанет на стул
И накинёт веревку на крюк в потолке.
И проверит руками надежность петли,
А потом он взлетит.
Я пою тебе песню любви, Москва!
Город, который не чувствует боли и не щадит никого.
Я люблю тебя, Москва, я твой пьяный ребенок,
Но я тобою рожден,
И я с тобою помру.*
Гарик Сукачев. Вальс «Москва»

Звезды

В липком мареве ночного города, на крыше девятиэтажного дома в районе Павелецкой сидели два товарища. Хотя товарищами их назвать можно было только по несчастью. Скорее sobутыльники. А по табелю о рангах московской социальной лестницы – бомжи.

Одному из них на вид было около пятидесяти. Это был довольно высокий мужик, обладатель копны темно-русых волос, глубоко посаженных зеленых глаз, перебитого в двух местах носа и вечно полуоткрытого рта, – что в сочетании с уважительным «Михалыч» делало его лицо пусть и недалеким, но добродушным. Последние полчаса он молча сидел, подогнув под себя ноги, и несколько напряженно вглядывался в темное небо.

Его приятель, сутулый маленький человечек, откликавшийся на «Игорек», с редкими пучками сизых волос, прокопченным лицом, покрытым сеткой морщин, и с озорными ребячьими глазами, вертел по сторонам головой, то расстегивая, то застегивая молнию на вылинявшем синем спортивном костюме. Будто пытаюсь понять – жарко ему или холодно. Почему его звали «Игорек», никто не знал, ведь в давно потерянном паспорте значилось совсем другое – Феклистов Леонид Игоревич, 1948 года рождения. Вероятнее всего, эти данные он и сам давно забыл.

Изредка он заглядывал в лицо медитирующего Михалыча и, не находя в нем признаков жизни, прикладывался к мутной пластиковой бутылке с прозрачной жидкостью.

Зыркнув на Михалыча в очередной раз, Игорек допил остатки, швырнул бутылку вниз, проследил за ее полетом, достал сигарету и крикнул:

- Михалыч! – и подкрепил обращение хлопком по плечу. – Э, Михалыч, слышь?!
- Чего ты орешь-то? – нехотя отозвался Михалыч.
- А чё ты залип? Сидишь, уставился в одну точку. Я думал, ты...
- Что?
- Ну, не знаю что... умер, например.

– Лучше бы умер! – сплюнул прямо перед собой Михалыч. – Я на звезды смотрю... падающие.

– Нафига?

– Две звезды уже упало. Красиво. Дай сигарету, а?

– У меня две штуки осталось.

– Давай одну на двоих?

– Ну на! – Игорек нехотя достал из кармана мятую сигарету.

– Я говорю, – затянулся Михалыч, – звезды эти, которые упали. Красивые.

– Ну.

– Вообще-то все звезды падающие красивые.

– Ну.

– Чего ты заладил, «ну, ну», я тебе лошадь, что ли?

– А чего ты ко мне пристал со своими звездами? Я тебе чё, планетарий?

– Гы-гы-гы... пролетарий ты, а не планетарий.

– Какой же я пролетарий, дурак ты стоеросовый, гы-гы-гы! Пролетарии работают, а я на вокзале побираться.

– Ну, был пролетарием, наверное.

– Был, – тряхнул остатками волос Игорек.

– Помню, в детстве мать нас с братом на лето к бабке в деревню отправляла. Мы как завалимся в сено вечером. Тепло, трещат эти... как их? Светлячки, кажись. Лежим, в небо палимся, падающие звезды считаем. Хлеб черный жуем. Лучок там, помидорчики...

– ...Водочку, – услужливо подсказал Игорек.

– Какую еще водочку? – огрызнулся Михалыч, – я ж тебе говорю, в детстве!

– А... я не понял, – развел руками Игорек. – Говорят, на третью падающую звезду можно желание загадывать. У меня, правда, никогда не сбывалось.

– Ты, небось, только водку и загадывал, – осклабился Михалыч.

– Почему сразу водку? Велосипед там... или чтобы с девчонкой познакомиться... или...

– Вот я и жду. Пока чего-то не упала.

– И чего ты загадаешь? Все равно ведь не сбудется.

– Может, в этот раз сбудется. Ну, пожрать нормально на этой неделе. Чтобы Вартан со стройки опять взял цемент разгружать. И еще, – Михалыч утер нос рукавом, – чтобы ментам не попадаться, и этим, козлам... бичам вокзальным.

– Хе-хе, ну это уже три желания, а надо одно. Звезда, она ж не золотая рыбка, ебеньть!

– Тогда денег попрошу. Много! – Михалыч развел было руками, пытаясь показать объем наличных, но застыл. – Так, чтобы просто на улице найти и чтобы ничего за это не было.

– Ого! И сколько много? – Игорек настороженно замер, будто эти деньги уже лежали в кармане Михалыча. Или там, внизу. У подъезда.

– Тыщ пятьсот! Или нет! Миллион!

– Рублей? – закашлялся от смеха Игорек. – Или, может, евро?

– Рублей, конечно, – опасливо посмотрел на него Михалыч. – Какой же мудака теперь миллион евро на улице бросает?

– Так и мудаков, которые миллионами рублей разбрасываются, я не видал.

– Ну, может олигарх какой потеряет... или баба его...

– Чудной ты, Михалыч. Сколько тебя знаю, а все не могу понять.

– Сам ты черт чудной. Я желание загадаю, а оно сбудется. Вот и посмотрим тогда, кто чудной.

– Ну, хер с тобой, – хлопнул Игорек ладонью по коленке. – Вот найдешь ты миллион рублей, и что ты делать с ним будешь? Или менты отнимут, или эти ... с вокзала. Или просто пропьешь. Хотя это сколько же водки можно купить? – Он в задумчивости почесал затылок. – Если дорогой, по сто рублей... сто бутылок... нет, больше...

– Ничего я не пропью. Я первым делом все положу в ячейку на вокзале. Потом пойду в магазин. Куплю себе костюм, чтобы менты не останавливали.

– Ну.

– Потом в баню пойду, попарюсь хорошенько. Потом в парикмахерскую.

– Ну.

– Потом вернусь на вокзал, посмотрю расписание поездов... так... вот...

– Ну.

– Баранки гну! Потом возьму билет в самую дальнюю деревню и уеду. Начну там новую жизнь. Куплю избу, корову, картошки посажу. Может, бабу заведу. А чего?

– А миллиона-то хватит?

– Еще как, – Михалыч резанул ладонью по горлу, – во как хватит! Даже еще и останется. Я объявления в газете читал. «Продается дом, в хорошем состоянии», в такой-то... не помню, области. «Цена пятьсот тысяч рублей». А в дальней деревне еще дешевле.

– Ну, ты, Михалыч, даешь! В самой дальней деревне поезда-то и не останавливаются!

– А я найду ту, где останавливаются!

– А если и найдешь, то дом ни хера не купишь! – не унимался Игорек.

– Куплю! – настаивал Михалыч.

– Какой дом? Какая корова? Ты даже если уедешь, пропьешь там все бабки и через полгода опять сюда вернешься!

– Не вернусь!

– Да я такие базары здесь раз в год слышу! Никто чой-то не уходил, а те, кто уходил, опять сюда приползли.

– А я уйду! И не вернусь! – Михалыч в запальчивости саданул рукой о металл ограждения и теперь нервно тряс кистью, чтобы заглушить боль.

Повисла пауза. Игорек посмотрел на Михалыча. Что-то во всем этом было неправильно для него, Игорька. Что-то такое, что заставляет смотреть на собутыльника особенно злобно. И дело не в том, что найденный миллион следовало, по его понятиям, если не тупо разделить с братвой, то хотя бы угостить своего лучшего кореша. То бишь его, Игорька. Можно купить пару бутылок водки или дать немножко денег бомжевавшему неподалеку молдаванкам, которые бы мигом скрасили ночное одиночество наших героев. Или... да мало ли чего можно сделать с такими-то бабками? В конце концов, Игорек мужик с понятиями, и мог бы принять позицию Михалыча, если бы тот вздумал бабки утаить или пропить в одну харю. Скорее всего, Игорек так бы сам и поступил. Если бы нашел деньги.

Но все эти дома, коровы, бабы и новые жизни в голове Игорька совсем не укладывались. Они ломали привычную схему, напоминали о мире, где его больше нет и куда он больше никогда не вернется. И куда, по определению, не могли вернуться ни Борян, ни Толя, ни даже Абрек с его удивительным талантом воровать в магазинах. Своими словами Михалыч взял и вот так вот, запросто, украл у Игорька целый мир. С крышами, подъездами, теплыми вагонами в депо, ментами, случайными подругами, станциями метро, рынками, ночными палатками и таксистами. Он, падла, поставил под сомнение ценность всего этого. Предпочел миру Игорька какой-то другой мир, о котором все и думать забыли. Мир, который ничего, кроме злобных воспоминаний, теперь не вызывал. И на тебе – корову он, сука, купит.

– Ага, жди, уйдешь ты! – засипел Игорек. – Новую жизнь он начнет! Ты на себя-то посмотри, Михалыч. Запах как от козла, а все туда же... новую жизнь он начнет... не смеши людей!

Сказал и выжидающе посмотрел на Михалыча, будто ударил наотмашь. По дому, корове, и даже по бабе, которой никто из них в глаза не видел. Уничтожил всех одним махом. Вернул Михалыча из поезда дальнего следования обратно на крышу. И злоба прошла, сама. Вроде как Михалыч уже съездил и вернулся обратно. А Игорек, он чего? Он мужик с понятиями. Хотя, конечно, он Михалычу говорил, что все обратно приползали, но теперь-то старое поминать не будет.

– Да пошел ты! Где ты тут людей-то видел? Ты, что ли, человек? – Михалыч резко встал и угрожающе занес над ним кулак.

– Э, в натуре, ты чего? – отстранился Игорек.

– Я уеду, понял?! Урод! Я тут с вами ни за что не останусь! И дом куплю! И корову!

– Михалыч, Михалыч, – испуганно запричитал Игорек, тихонько отползая. – Все ровно, чего ты, в натуре?

– А ничего, в натуре! Ты зачем в мое желание грязными лапами лезешь, а? Оно чего, твое, что ли?

– Я понял, понял, Михалыч! – пятился назад Игорек.

– Вали давай отсюда, пока я тебя с крыши не скинул! – продолжал орать Михалыч.

– Ухожу я, ухожу, – тихо сипел Игорек.

– Вот и вали! А я новую жизнь начну!

– Точно! – Он сделал еще несколько шагов назад. – Раз задумал, значит, начнешь. Ты у нас такой!

Оказавшись на некотором расстоянии от Михалыча, Игорек втянул голову в плечи и бочком-бочком стал протискиваться к выходу. Залезая в черную дыру лестничного лаза, он еще раз глянул на стоявшего у ограждения Михалыча и исчез.

– Начнешь, начнешь. В дурке! – прошипел Игорек уже в подъезде.

Михалыч стоял на крыше еще полчаса. Когда упала третья звезда, он присел, отыскал бычок, чиркнул спичками, сделал глубокую затяжку и прохрипел, выпуская в небо плотную струю дыма:

– Звездочка, дай миллион, а? Я уеду, обещаю. Обязательно, зуб даю. Не могу я здесь больше, достало, сил нет. Задушит меня этот город. Задушит до смерти, сука такая! Ты только дай миллион, ладно? А я сразу. Прямо на следующий день. Или в этот же вечер. Только костюм куплю и в баню схожу...

Бычок обжег пальцы, и Михалыч щелчком его откинул. Тот нехотя описал дугу на фоне огней ночной Москвы и исчез за кромкой крыши.

Модернизатор

Философия московская очень простая: работать по-капиталистически, распределять по-социалистически, в условиях полной демократии.

Ю. М. Лужков

Алексей Иванович Друян сидел перед огромным компьютерным монитором, пытаясь разобраться в настройках личных страниц и функционале твиттера и фейсбука. Первый час он методично заполнял анкету, сверяясь с инструкцией, набранной восемнадцатым шрифтом заботливыми руками секретарши Тани. Второй – пытался загрузить фотографию на личные страницы. Сначала долго выбирал между тщательно отфотошопленным собой в добротном костюме, белой рубашке и галстуке с узлом величиной с голову новорожденного и самим собой же, отфотошопленным чуть менее. В свитере, в улыбке и с торчащим между вырезом свитера и улыбкой накрахмаленным воротником небесно-голубой рубашки.

В результате принял поистине Соломоново решение: одна – для фейсбука, другая – для твиттера. Но вселенская катастрофа заключалась в том, что ни первая, ни вторая фотография отчаянно не желали загружаться.

Не то чтобы в свои пятьдесят четыре Алексей Иванович внезапно вспылал любовью к социальным сетям. Конечно, друзья рассказывали о том, какие интересные вещи таит в себе интернет, – тут тебе и новости, и знакомства с романтическим продолжением, и тонны компромата, и встречи бывших одноклассников. Но все это Друяну было до фонаря. Свежераспечатанные новости каждое утро приносила Татьяна, любовниц было две, причем самых что ни на есть реальных, а не виртуальных, с бывшими одноклассниками он не хотел встретиться даже в соседних могилах, а компромат у него был свой. Не то чтобы тонны, но по чуть-чуть – и на всех.

Размеренная жизнь Друяна никакого соприкосновения с интернетом решительно не переносила. Как всякая новизна (а Алексей Иванович был консерватор, даже, можно сказать, ретроград) интернет был ему чужд, неинтересен, и скорее всего – враждебен. «Так бы жизнь бы шла и шла» – как пелось в песне любимого Друяном Миши Шуфутинского, но все испортил Президент Медведев.

Какие консультанты нашептали Дмитрию Анатольичу о необходимости президентского присутствия в интернете, Алексей Иваныч не знал. По слухам, сатанинское отродье, напустившее на президента эту напасть, угнездились в Америке, и ноги, а точнее, копыта, росли из компании Apple. Не зря ведь президент, а вслед за ним и все окружение, обзавелись новомодными айфонами и айпадами. И пошло-поехало. Сначала президентский блог в каком-то ЖЖ (название казалось Иванычу похожим на аббревиатуру туалета), потом фейсбук, а теперь еще этот гребаный твиттер. С клитором созвучно опять же. Тьфу, гадость! Простым россиянам, журналистам и прочей «продвинутой пидорасне», как называл эту прослойку Иваныч, президентская инициатива нравилась. Но проблема была в том, что Алексей Иванович не был простым россиянином.

Друян десятый год служил в московской мэрии. Начинал специалистом, потом начальником отдела, а семь лет назад Юрий Михайлович Лужков лично назначил его заместителем начальника департамента строительного надзора и охраны памятников архитектуры.

И все за эти годы не быстро, но как-то само собой устроилось. Пара-тройка бизнесов на жену. Не таких, конечно, как у Батуриной, но семья Друянов в олигархии и не записывалась. Несколько квартир – не пентхаусы, но престижные «сталинки». Дом на Риге, дом в

Юрмале, дача в Барселоне. «Совсем ты, Лешка, себя не жалеешь, – говорила обычно Наталья Дмитриевна, глядя супруга по голове, – нормально ведь живем. Не хуже, чем у людей».

И в самом деле не хуже. Вот и дочь замуж выдал, закатив свадьбу в ресторане «Марио» (опять же не в силу любви к итальянской кухне, просто друзья бы не поняли более дешевого), за... когда любишь, не считаешь, как говорится. Сын в Лондоне только на ноги встал после коледжа. «Так бы жизнь бы шла и шла»...

Так она и шла. До вчерашнего дня. Точнее до пятнадцати ноль-ноль, когда началось совместное, с ребятами со Старой площади, совещание. Разговор шел, как обычно, за перемены, против коррупции и чтобы к людям ближе.

Тучи сгустились ровно в тот момент, когда Друян в сердцах бросил, что-де запросы и предложения от населения тонут в кабинетах среднего чиновничьего звена, а работы так много, что лично с представителями малого и среднего бизнеса встречаться не получается. Удар молнии материализовался во фразе одного из парней из Администрации Президента:

– А у вас что же, Алексей Иванович, своего блога нет? В ЖЖ, фейсбуке? Твиттер-то хоть ведете? Нет?

– У меня вот, – пробормотал Друян, воздев вверх айпад, – вот... есть...

– Эх, Алексей Иванович, Алексей Иванович... не хотите вы модернизироваться...

Сказано это было максимально шутливым, даже игривым тоном. В проброс, будто эти слова ничего и не значат. Сказано так, что Друян почувствовал – пиздец особенно близок. Он скатывался по лацканам пиджака того парня, разливался по длинному столу для переговоров, огибал стаканы для карандашей, соседские блокноты и айпады. Поток пиздеца разбегался на много маленьких ручейков, чтобы потом слиться в один большой и поглотить Алексея Ивановича...

На работу Иванович вернулся, кажется, с повышенным давлением. Обедать не стал, созвал Татьяну и помощников. Закатил истерику на предмет модернизации. От предложения немедленно завести аккаунты во всех соцсетях и начать переписываться с населением от его лица командой технологов, отказался.

– Вы там понапишете, блядь! – вскричал Друян, предпочитая все жизненно важные вопросы (а вход в интернет, судя по всему, был именно таким вопросом) контролировать лично. – Инструкцию по этим вашим социалистическим...

– Социальным, – робко поправил его помощник по работе с прессой.

– Хуяльным! Чтоб инструкция через полчаса у меня на столе была! – Друян жажнул кулаком по столу так, что фарфоровая фигурка гейши повалилась на бок и стыдливым взором уперлась в потрескавшийся от времени паркет.

Друян в очередной раз нажал на кнопку «загрузить», плюнул во всплывшее окно «разрыв соединения», скомкал инструкцию и схватил мобильный:

– Але, Тань!

– Алло... да... да, Алексей Иванович, – заспанным голосом ответила трубка.

– Тань, ты, значит, как хочешь, а эта хуевина не работает. Так! Откуда я знаю? Читал по слогам, епта. Разрыв этого... соединения, все время пишет. Вот чтобы завтра, к девяти, нет, к восьми тридцати! – Друян отставил трубку и прокашлялся. – Все вот эти мудаки, мои помощники, компьютерщики эти... чтобы к восьми тридцати весь этот интернет, твиттерь и этот, как его... не важно. Короче, чтобы все работало. Я лично принимать буду... и не дай бог! Поняла меня? Не дай бог, чтобы... в общем, ты поняла.

– Поубивал бы тебя, дуру ебучую! – Друян швырнул мобильник на лаковую поверхность стола в китайском стиле, подошел к высокому, в человеческий рост, винному шкафу и потянул на себя затемненную дверцу. Мазнул взглядом по портрету монтажника работы

Дейнеки на стене, по стойке с виниловыми пластинками, шкуре леопарда на полу и замер в задумчивости.

Алексей Иванович любил оперу, бордо не моложе 1987 года, соцреализм в живописи и овсяное печенье. А людей Алексей Иванович не любил. В особенности москвичей.

Не любил с детства, как любой выходец из глубокой провинции. Москвичи существовали рядом с момента рождения Алексея Ивановича.

Сначала это были фантомные, невидимые враги, которые сожрали в стране всю колбасу и все шоколадные конфеты (так, во всяком случае, представлялось со слов отца, раз в год бывавшего в столице и описывавшего Москву, как другую планету). Потом они материализовались в виде сокурсников в МАДИ, у которых была московская прописка и отдельная родительская квартира. Они вкуснее ели, лучше одевались и женились на самых красивых провинциалках.

В перестроечные годы москвичи заделались кооператорами и развалили Союз. И вышло так, что бороться с ними у Друяна не было никакой возможности. И если бы не Пашка, сосед по общежитию, заманивший Алексея в кружок молодых демократов, и если бы не вовремя подвернувшееся место в Министерстве транспорта, так бы и сгнил Алешка в этом чертовом городе. В министерстве же он пережил и бандитские, и олигархические девяностые. Звезд с неба не хватал, но и своего старался не упускать.

Время поквитаться с москвичами, звездный час Друяна начался с приходом в мэрию Москвы. Когда потекли потоки расселяемых из центровых коммуналочек бабок, жертв «черных риелторов», всех этих мудаков, пытавшихся открыть кафетерии, маленькие книжные магазины и прочую мелкую торговлю. После началась «точечная застройка», реконструкции, арендные договоры.

Беседу с любым предпринимателем Друян начинал с учтивого вопроса:

– А вы сами москвич? Коренной?

И если жертва начинала заискивающе кивать в стремлении зацепиться, найти с чиновником общие корни и душевные моменты, в то самое мгновение Друян превращал ее жизнь в ад. По совести сказать, он не отбирал бизнесы, не вымогал умопомрачительные взятки, ничего такого. Он просто медленно, методично доводил человека до банкротства или нервного срыва. Или до одного и другого одновременно. Исходя из значимости актива. Мучил проверками, приостанавливал договоры аренды, насылал налоговую и пожарников. В общем, применял весь арсенал кар злого бога Шивы, скукожившегося до размеров заместителя главы департамента.

Команду он сколотил из себе подобных, когда-то обиженных, или придумавших, что их обидели, провинциалов. Людей, которые девизом города-героя Москвы, будь у них такая возможность, сделали бы слоган: «Живые позавидуют мертвым».

Подписывая документы на снос дома, строительство торгового центра на месте футбольного поля или реконструкцию «до уровня фундамента» исторического памятника, Друян не просто пополнял свой банковский счет. Он чувствовал священный трепет предводителя армии, взявшей приступом вражеский город. Вождем, сносящим до основания все то мерзкое, старое, раздражавшее, вызывавшее когда-то чувства зависти и унижения. Город, который так и не стал для него своим. Москву, которая была бы хорошим городом, убери из нее Создатель москвичей.

В результате за десять лет работы Алексей Иванович Друян приобрел совершенно определенную репутацию, и наводившие о нем справки с целью договориться бизнесмены чаще всего слышали от собеседника слово «пиздец», произнесенное свистящим шепотом.

Алексей Иванович открыл холодильник, погладил бутылки. Достал одну, потом убрал на место. Достал другую, снова убрал. Подошел к окну, открыл фрамугу и вдохнул огни Садового кольца. Сверху пролетел окурок. Друян высунул голову, сначала посмотрел вниз,

на мелкий сноп искр, потом наверх, пытаюсь разглядеть, кто посмел швырнуть окурок так, чтобы он пролетел мимо друяновского окна, но никого не обнаружил.

– Поубивал бы вас всех! – Друян захлопнул окно, вернулся за стол и достал тонометр измерить давление. Дождавшись результата, удовлетворенно кивнул, убрал тонометр в стол, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

«Борьба с коррупцией, о которой говорил Президент Медведев, требует концентрации сил всего общества. Всей страны. Спросите себя, как легко вы даете взятку врачу, учителю в школе, гаишнику наконец? Взятка стала обычным, рядовым событием. И на этой... на этом, – сбился Друян, – или, все-таки, на этой?..»

Проклятый второй абзац ни черта не шел. Вроде там суфлер поставить обещали. Он сверился с текстом выступления: «И на этой грядке коллективной безответственности вырастают коррупционеры! Те, кто тормозит модернизацию в стране, мешает развитию медицины, усилению безопасности, росту уровня жизни наших граждан. Инициатива московской мэрии – на личном примере каждого нашего сотрудника доказать, что...» Грядка коллективной безответственности. Друян пару раз проговорил эту уродливую формулу вслух. Какая грядка? Почему грядка? А коррупционеры, они, типа, овощи? Сами-то понимают, чего пишут? Дипломов наполучали, а по-человечески писать так и не научились! Мудачье!

Он встал и вернулся к окну. Мерцающие огни Москвы действовали успокаивающе. Завтра обещало быть сложным. Сначала совещание, потом работа с документами и подготовка речи. Главных дел было два: выступление на телеканале «Столица» по поводу антикоррупционных инициатив мэрии, в двенадцать дня. И еще одна встреча, ближе к двум. С представителями чеченской диаспоры, которые должны привезти один миллион долларов за разрешение на строительство. Чего строительства и где Друян, честно говоря, помнил смутно. Помнил только, что речь пойдет о разрешении, и цифру.

– Ну что сказать вам, москвичи, на прощанье? Чем наградить мне вас за внимание? Дорогие москвичи! Доброй ночи! – запел мобильный голосом Леонида Утесова.

Звонить в это время мог только один человек.

– Поубивал бы вас всех! – прошептал Друян и улыбнулся.

Кафе «Чеховъ»

– Каждый день такое, прям зла не хватает, – уборщица тремя ловкими движениями смела в совок валяющийся у крыльца мусор: бычки, бутылки пластиковые. – Прям бомжатник, можно подумать, а не приличная организация.

– Эт точно, тетя Катя. Культуры-то нет нихера у людей. – Тощий как жердь охранник занес было руку, чтобы зашвырнуть бычок за куст, потом спохватился, сделал два шага с крыльца офиса и картинно положил окуроч в урну.

– А вы куда смотрите? – не унималась уборщица. – Сидите тут днем и ночью, штаны протираете. Небось, телик смотрите да баб водите, вместо того чтобы за порядком смотреть!

– Да лана, тетя Катя, он сам тут появляется... это... утром, короче. Днем-то никакого мусора, конечно, мы не позволяем. Кроме ментов... гы-гы! – Охранник утробно загикал, весьма довольный своей искрометной шуткой.

– Это у нас жильцы соседних домов такие культурные. – Из открытого окна второго этажа высунулась секретарша Лена с сигаретой в зубах. – А ведь центр города, настоящие масс-кви-чи живут! – Она презрительно вытянула губы, выпуская дым.

– Лен, ты-то хоть окурки из окна не кидаешь, надеюсь? – подняла голову тетя Катя и недоверчиво посмотрела на нее.

– Вы что, тетя Катя, я же не масс-квич-ка!

– А ты откуда?

– Из Перми.

– А в Перми чище?

– Конечно чище, люди-то другие! – хмыкнула Лена.

– А зачем же ты от таких хороших людей, – тетя Катя оперлась двумя руками на метлу, – сюда к нам приехала? К москвичам-грязнулям?

– Так, – повела плечами Лена, – так получилось. Но это, надеюсь, ненадолго.

– И куда же ты потом? – не унималась уборщица. – В Америку? Или в Италию?

– Почему сразу в Италию? – Диалог стремительно утомил Лену.

– Леноч, когда в кино пойдем? – подмигнул ей охранник, поправляя ремень.

– Когда кинотеатр купишь! – Лена улучила момент и обеими руками запахнула створки.

– Почему в Италию, почему в Италию! Потому что туда сейчас все проститутки уезжают! – бубнила себе под нос тетя Катя, сметая палую листву. – Лимита чертова!

Справедливости ради стоит отметить, что Лена не была проституткой в привычном понимании этого слова. Совсем даже наоборот – Лена была секретаршей самой высокой категории. Из тех, кто гордо пишет в резюме, в графе «желаемая вакансия»: «Персональный ассистент». От простых секретуток Лену, по ее мнению, отличали многие характеристики. Высшее профильное образование (Пензенский институт легкой промышленности), владение компьютером на уровне «продвинутый пользователь» («ворд», «иксель», «Одноклассники»), ответственность (никогда не путала имена любовниц, жен, друзей и охранников начальства, помнила, сколько кусков сахара кладет в кофе каждый из владельцев бизнеса и какую газету нужно вечером положить водителю), умение работать в команде (тщательно фильтровала все офисные сплетни прежде чем донести их до руководителя). Еще Лена была легко обучаема (ровно через неделю запоминала, в какой последовательности и с кем именно из деловых партнеров начальство не нужно соединять, а также владела фразой «Мне тут из бухгалтерии подсказывают, вам платежечка в пятницу уйдет»), прекрасно умела формировать рабочий день босса (с легкостью переводила с кавказского наречия на русский названия итальянских ресторанов, в которых приходилось заказывать столик) и, в отличие от «тупых

клуш» в других офисах, вместо хабалистого «Алё», отвечала на телефонный звонок фразой «Добрый день, приемная», которую слышала от какого-то бизнесмена в ресторане.

Натурально, так он и сказал: «Перезвоните мне в приемную». Не то чтобы эта фраза имела более деловой стиль, просто само слово «приемная» Лену завораживало. Это тебе не какой-нибудь «ресепшн» или «секретариат». Лена была уверена в том, что человек, работающий в Приемной, был весомым, значимым. От него веяло каким-то магическим, почти государственным душевным трепетом. Если бы Лена спала по выходным не с менеджерами с улицы Фрунзе, а с улыбочивыми ребятами со Старой площади, она бы знала, как называется удивительная сила неброской роскоши, заключенная в слове «Приемная». В нем была *суверенность*... и демократичность одновременно.

На английском языке Лена «читала и переводила со словарем», да он тут был и не нужен. Компания «Трейдинвест переработка инкорпорейтед лимитед», принадлежавшая Саслану и Мовлади Бероевым, не занималась экспортно-импортными операциями, так что чеченский Лена учить не пробовала, хватало багажа табуированной лексики и жестов. Вроде бы все?

Да, кстати, еще у Лены были хобби (1 шт.) и мечта (2 шт.), без которых и современная анкета не анкета. В качестве хобби Лена еблась с владельцами бизнеса (с одним да, а с другим пыталась, для баланса). А мечтала Лена свалить. Желательно за границу и желательно замуж. Не то чтобы Лена очень хотела замуж, просто Москву ненавидела. Сначала стремилась сюда попасть, а попав – возненавидела. В Москве обитали ужасные люди. В Москве были жуткие пробки, а количество понаехавших провинциалов зашкаливало даже в Ленинском понимании. *Одним словом, Москва больше «не прикалывала».*

Стоит ли говорить, что рукам такого блестящего сотрудника любой руководитель мог смело доверить все самое ценное – от члена до... чемодана с деньгами.

Под столом у Лены стоял серый пластиковый кейс с документами, которые нужно было отдать курьеру. Лена посмотрела на часы – курьер опаздывал на сорок минут. «Надо бы ему устроить промывание мозгов. Урод», – подумала она, зевнула и скинула туфли, спрятав босые ноги за кейсом.

Щелчком мышки Лена открыла окно «Одноклассников» и погрузилась в увлекательное обсуждение заграничных курортов с «элитными названиями» – Хургада, Кемер и Белек в группе Reach&Beautiful. «Одноклассники» засыпали друг друга ссылками на фотографии с отдыха в этих замечательных местах. Основными темами фотопейзажей были герои и героини на фоне унылых пальм, полуосыпавшихся скал, бассейнов с химически-голубой водой и неимоверного количества еды.

Искушенного человека наверняка бы смутило обилие бутылок водки, колбасно-сырных нарезок и подозрительно блеклых жареных рыб, выдаваемых за дорадо или тюрбо. А пейзажи были слишком уж крымско-сочинскими. Но Лена никогда не была ни в одном из упомянутых мест, дорадо пробовала единожды в дорогом, или, по ее терминологии, «элитном», ресторане, куда ее полгода назад пригласил один состоятельный азербайджанец. Лена безгранично доверяла тому, что писали, ведь в группе, по проверенной информации, собирались люди «знающие и бывалые», а не какое-то «лошье».

Сама Лена была не то чтобы rich, но безусловно beautiful. К тому же вчерашнее обещание Саслана взять ее с собой в Дубай, «на конфыренц», услышанное после двух часов потных страданий на скрипящей кровати в съемной квартире в районе Пресни, недвусмысленно свидетельствовало о том, что Ленка является членом группы R&B по социальному статусу, а не только по юзерпику с мокрыми волосами.

Скрипнула дверь кабинета братьев Бероевых. Лена стремительно сунула ноги в туфли на шпильках и поправила волосы.

– А не мало?

– Мало, брат, эта девят грамм свинца, понял, да? – донесся из глубины кабинета голос Мовлади. – А чимдан – эта много, брат. Очень много.

– Как скажешь, брат. – Из-за двери появился наконец Саслан и поставил еще один серый кейс под ноги Лене.

– Это... моей охране отдай... Вахе... Скажи, пусть в мэрию отвезет. Он знает, кому. Поняла, да?

Лена приветливо и как можно более застенчиво улыбнулась.

– Где этат... красаучик, билядь? – вежливо поинтересовался Саслан. – Доставка?

– Опаздывает. – Лена нахмурилась и вскинула руку с часами. – На пятьдесят минут. Ну ничего, приедет, я ему покажу!

– Это спрауэдливо, – ощерился Саслан, потом отвернулся от Лены к зеркалу и стал рассматривать, достаточно ли мужественно смотрится черная эластичная футболка в сочетании с костюмом *Brioni* цвета мокрого асфальта, купленным позавчера по совету брата.

– Вообще, я считаю, что нам эту курьерскую компанию надо менять, – плотно сжала губы Лена, – постоянно опаздывают. А у нас серьезный бизнес!

– Правильно говоришь! – Саслан пригладил волосы. – Ты у меня умница. Какие поланы на вечер?

– Пока никаких, – кокетливо потупилась Ленка, хотя Саслан даже не обернулся. – А есть предложения?

– Предложения? – Он улыбнулся своему отражению. – Предложения висигда есть. Я вот тут подумал...

Но договорить Саслану не дала распахнувшаяся входная дверь, выплунувшая на порог полноватого мужчину далеко за тридцать, одетого в короткую белую адидасовскую ветровку, стоптанные синие кроссовки и чернильного цвета мешковатые джинсы.

– Добрый день! – Мужчина поправил козырек бейсболки с надписью *Gorgeous Loser*, явив присутствующим пронзительные зеленые глаза и очаровательную улыбку на некогда смазливом, но теперь подраспльившемся лице. – Я курьер из «Осы Экспресс». За посылкой.

Саслан злобно зыркнул исподлобья на курьера, небрежно щелкнул пальцами, бросил Лене: «Рызбырьсь», – и вернулся в кабинет.

– Ты вообще понимаешь, к кому опаздываешь, козлиная? – зашипела на него Лена, угрожаясь поднимаясь из-за стола.

– Я здесь не затем, чтобы выслушивать оскорбления, чувиха! – неуверенно пробормотал курьер, поправил собранные в конский хвост волосы и попятился.

– Какая я тебе чувиха, урод?! Ты знаешь, сколько стоит в этом офисе опоздание? – Лена начала воспроизводить все известные ей уроки ведения бизнес-переговоров, подслушанные на совещаниях. – Тут за пять минут на штуку баксов ставят, понял? Пятьдесят минут – десятка, понял, да? У тебя такие бабки есть? Чего молчишь? Есть или нет? Ты чё, хочешь мамину квартиру продать?

– Мамина квартира больше стоит! – Курьер опять поправил волосы.

– Чё-о? – Лена склонила голову набок и застыла. Нохчи-технику, чтобы преодолевать возражения, она еще не изучала. – В общем так, – она понизила голос. – Взял чемодан. Вот тебе адрес. И пулей туда, ты меня понял? Пулей отвез документы. Мне отзвонишься по приезде. Ясно?

– Типа того...

– Я не слышу! Что за «типа того»?! Ты хочешь с работы вылететь? Я тебе это легко устрою. Один звонок вашему директору, и все! Чтобы через двадцать минут был на Шмитовском проезде, ты меня понял?

– На Шмитовском, – вполголоса брякнул курьер.

– Ты ща у меня в Бутово окажешься! Грамотный самый, что ли? Самый москвич? Еще раз в этот офис опоздаешь, считай, тебя уже уволили. Чемодан взял, быстро!

– Да взял, взял, – курьер схватил чемодан, вытер рукавом лоб и дернул дверь на себя.

«С вами, козлами, только так!» – подумала Лена и откинулась на спинку кресла, весьма довольная собой.

– Уехал? – высунулся из-за двери Саслан.

– Пулей улетел, – улыбнулась Лена.

– Ты грозная уащэ стала, да? – Саслан погладил щетину. – Рвала его, как грелку, Богом клянусь! Молодец!

– А как еще с такими?

– Это да. Ну, я к тебе скоро загляну. – Он послал Лене свою фирменную улыбку и закрыл дверь кабинета.

«Как не попасть на паленое бухло в Египте» – обозначилась новая тема в группе R&B. Офисные часы показывали час дня. До обеда оставалось немного, до конца рабочего дня – как получится. «Куку» – ойкнула ICQ.

«Lenok ti kak?!))» – интересовался пользователь Lapa Glamur.

«Устала как собака((», – набрала Лена и вставила раздраженный смайлик.

«Kak ya tebia ponimau, zaya. Derzis. Lovi prikolniy demotivator s kotom=»))

«Ловлю», – написала Ленка и снова скинула под столом тесные туфли.

Приручая дракона

*В этом мотиве есть какая-то фальшь,
Но где найти тех, что услышат ее?
Подросший ребенок, воспитанный жизнью за шкафом,
Теперь ты видишь Солнце, возьми – это твое!*

Фильм «Безъядерная зона»

Денис. Тринадцать часов

– Грамотный самый! Нет, так же, как и ты, ПТУ закончил! – передразнил я девушку уже в коридоре. – Самый маасквич... Выходя из здания, на секунду задержал взгляд на табличках, прибитых у входа в офис. Обе золотые, одна – поярче: «Трейдинвест переработка инкорпорейтед лимитед», вторая, чуть ниже, кажется, раскрывала суть дела и поэтому была аскетична: «Кафе Чеховъ». Теперь даже не стесняются себе позволить такой сарказм. Интересно, почему я до сих пор не видел «Кафе Дагов» или «Кафе Ингушей»? А «Кафе Москвич», видимо, они только любовницам покупают...

«Самый маасквич»... наверное, сегодня эта фраза звучит как насмешка или оскорбление. Сколько лет этой лимитчице? Двадцать три? Двадцать четыре? Впрочем, это не имеет значения. Когда мне было двадцать четыре года, слово «москвич» приезжими девушками иначе, чем с подобострастием не произносилось. Это было во времена, когда московская прописка была линией социального фронта и ценилась выше, чем дорогие часы или джип, или на чем теперь крутые ездят?

Во времена, когда подобные особи женского пола даже теоретически не могли попасть в поле моего зрения и сидели в резервациях типа студенческих общежитий или снятых на четверых малогабаритных квартирах в спальных районах. Мы жили на разных планетах. Моя находилась в созвездии Садового кольца, а их... там, где все остальное. Там, где Кузьминки или Марьино. В общем, это было, когда мы презрительно цыкали в сторону малиновых пиджаков на «Чероки», мерялись прочитанными библиотеками, а дресс-кодом в нашем кругу служил «Улисс» Джойса с пометками на полях, сделанными как можно более небрежно...

Когда мне было двадцать четыре... Кажется, позавчера, а на самом деле – одиннадцать лет назад. В тысяча девятьсот девяносто девятом. Блестящий выпуск ВГИКа лета 1999-го. Поколение надежд. В нашей компании были свои Тарантино, Кэмерон, Гай Ричи, и даже Годар. Мир грозил превратиться в пыль, узрев наши дипломные работы. Это было так свежо, так необычно. Поколение гениев, у ног которых лежала залитая солнцем, чуть пыльная и еще не так изуродованная Москва. Всего пара лет нужна была молодым богам, чтобы раз и навсегда войти в элиту российского кино. Стать настоящими небожителями. Пара лет – осмотреться, выбрать самого достойного из спонсоров, небрежно долго провозиться с кастингами, попутно отвергнуть самых значимых (а значит, самых надоевших) больших актеров, а найти двух наркоманов, трех проституток (одну из них беременную) и одного бомжа. И утвердить на главные роли. Потом отвалить на фестиваль в Берлин – развеяться. Вернувшись, снять несколько рекламных роликов, для заполнения прорех в карманах, а на завтра приступить наконец к съемкам главного фильма ЭПОХИ. Конечно, артхауса.

Поколение надежд. Наследники Эйзенштейна, Шукшина и Тарковского. Стоит ли говорить, что ни один из нас, выпускников того года, не снял ни одного фильма. Или снял один – самый главный фильм своей жизни, – но его так никто и не увидел. Как я, например. Золотая молодежь излета затянувшихся для нас конца восьмидесятых. Слишком обнадеживающая, слишком талантливая, слишком амбициозная, чтобы что-то сделать.

Одиннадцать лет назад. Все осталось там, во временах, которые мой друг – мент Петя (папа профессор, мама доцент) называет временами, когда пейджер еще был ПЕЙДЖЕРОМ, а мобильный телефон МОБИЛОЙ! Выпуск одна тысяча девятьсот девяносто девятого года. Это было в прошлом веке, а мы и не заметили...

Теперь, по прошествии времени, малиновые пиджаки стали владельцами бизнеса с высокой капитализацией, сменившими джип «Чероки» на «Бентли», провинциальные девушки уже не испытывают пиетета перед пропиской (см. капитализацию и «Бентли»), а я неожиданно для себя осознал, что Марьино – это не где-то на выселках, а всего восемь остановок от центра, а само слово «москвич» получило унижительное прилагательное «саамый» в придачу.

Тем не менее компания институтских друзей все так же собирается по пятницам в нашей квартире на Остоженке, коротая вечер за игрой в преферанс, обсуждением андеграундного кино и музыки, выставок маргинальных художников и полуподвальных театраль-ных постановок наших знакомых.

Мы старательно продолжаем притворяться, будто живем в анклав, прочно защищен-ные шумоизоляцией и фильтрами, пропускающими в наш мир только те новостные, куль-турные и политические события, которые интересны нам. Все это время мы внушали себе, что жизнь продолжает строиться по формуле: люди существуют в тот момент, *когда мы с ними разговариваем*, и до тех пор, *пока мы с ними разговариваем*.

Я уверен, что каждый из нас в глубине души понимает, что главная задача этого услов-ного культурологического фильтра – не пропустить одну мысль: мир изменился. Фильтр помогает нам не верить в то, что Р J Harvey больше не является молодой принцессой анде-граунда, да и мы из категории талантливых юношей перешли в категорию юношей старею-щих.

Юношей, чьи родители, серьезные работники МИДа, Минфина, Центробанка, ректоры и деканы, чиновники и театроведы – давно уже носят приставку «экс». Юношей, которые имели шансы состояться как минимум в пяти разных областях каждый, но так и не взявшие на себя труд что-то для этого предпринять, предпочитая считать все эти области лишь вре-менным приработком перед серьезным, настоящим занятием. Разменяв весь свой потенциал на написание политических памфлетов в интернет-издания с нулевой посещаемостью, вос-питание котов, никому не нужные трактаты по современному искусству и бесконечные пья-ные дебаты о будущем страны, в которой, по их уверению, жить они не собираются.

«Валить, валить окончательно и в короткие сроки, например... через полгода» – лейт-мотив наших пятничных посиделок, вот уже второй год. И выглядит это так, будто не валят мои приятели лишь потому, что у них не получается убедить в этой необходимости меня. Не то чтобы я настолько привязан к этой стране, просто патриотизм стал моим последним прибежищем, хоть как-то отличающим меня от моих друзей.

Слабая надежда на то, что я, Денис Давыдов, вызывавший зависть у всего курса тем, что Соловьев называл меня самым многообещающим студентом выпуска, по-прежнему не такой, как они, поддерживает течение моей жизни. Жизни, давно превратившейся в при-вычку. Жизни, в которой все потихоньку стало надоедливой константой – от красного аба-жура над кухонным столом до жены, которая последние пять лет называет меня «бездарно-стью, отягощенной гипертрофированным снобизмом», и тем не менее все еще ночует в моей постели. Последний факт я давно уже перестал объяснять тем, что я все-таки *не такой, как они*. Скорее, мы оба слишком нерешительны, чтобы расстаться, и слишком интеллигентны, чтобы замечать перманентные адьюльтеры друг друга.

Факт семилетнего наличия одной и той же жены – еще одна особенность, отличающая меня от моих друзей. В остальном я – полное им соответствие. Слепок эпохи, живое свиде-тельство заката интеллигенции, которой больше не платят за сакральное знание того, что

общего между Габриэле д'Аннунцио и дадаистами. Точнее, которой больше вообще не платят, предпочитая поддерживать пространные разговоры о поздней Византии и ее сходстве с нынешней Россией. Платят теперь в основном хипстерам.

Кстати, знать бы еще, кто такие хипстеры, но все, у кого ни спрашиваю, точного ответа не дают. Пока я остановился на том, что это люди с плохим образованием и хорошим вкусом, которые спрашивают у Гугла, как пишется слово «тренды», что само по себе пошло, но не мешает им этим трендам соответствовать, получая за это деньги на трех работах.

Я не разбираюсь в трендах, не знаю, какого цвета лосины носят парни в этом сезоне. Более того, я безвозвратно упустил момент, когда трендам еще можно было пытаться соответствовать. Из трех моих работ самой высокооплачиваемой является компьютерная игра «Диабло», в которой из каждого похода в подземные тоннели я приношу тысячи три золота. В конечном счете, по количеству времени «Диабло» – самая затратная работа. И самая результативная (я паладин сто двадцать второго уровня, с тремястами тысячами золота). Все остальное – лишь извлечение средств на покупку алкоголя (курьерство) и поддержание некоторого культурно-прожиточного минимума (еженедельное вываливание духовного багажа в кинообзоры «Афиши»).

Стоит ли говорить, что для моих духовных богатств не хватило бы счетов всех швейцарских банков, вздумай они их у себя разместить, а платят в «Афише» так сказочно, что денег на то, чтобы слетать подписать контракт со швейцарцами, у меня нет и не предвидится.

Так я и живу – счастливо женатый в силу привычки, патриот из духа противоречия, высокодуховный тридцатипятилетний подросток, из последних сил верящий в свой потенциал. Хотя последний измеряется лишь квартирой на Остоженке (потенциально около миллиона долларов) и гениальным киносценарием о том, как в Сколково лучшие умы собирали нано-«Ладу», а случайно получили Ноев Ковчег (потенциально – миллионы долларов сборов, затраты инвестора – всего один миллион).

Конечно, скажете вы, можно продать квартиру в центре и переехать в Бутово, вложив деньги в кино. Но интеллигентные люди не могут жить в Бутово (так говорит мама), поэтому остается мечтать о том, что на каждого талантливого интеллигента всегда найдется свой инвестор с миллионом долларов. Главное – правильно его ждать и мечтать, мечтать о том моменте, когда в финале встречи с очередным мильёнщиком, владельцем оптового рынка, королем бензоколонок или пельменным бароном услышишь: «Знаешь... мне это нравится!»

Что нами движет? Мечта! Так, кажется, говорилось в какой-то модной книге по продюсерскому бизнесу. Обидны, конечно, два факта: вместо того, чтобы творить мечту, приходится работать собственным продюсером, да и мечта стоит всего миллион долларов... – но такие теперь пошли мелочные времена.

Слабое ощущение собственной перспективности все еще позволяет смотреть на этот город свысока. Впрочем, город теперь этого не замечает. Его это, как пишут теперь в интернетах, – Ниибет.

Конечно, такое кино лучше снимать в Штатах. Все говорит в пользу этого выбора. И проще, и все лавры и бонусы достанутся мне, а не жадным инвесторам. А главное, не хочется становиться *одним из них* – вороватым кинопродюсером, сам-себе-режиссером, коих в отрасли пруд пруди. А придется. «Это город жуликов и проституток, – как говорит мама, – коренные москвичи теперь – только тараканы в подвалах. Все остальные сюда поналетели. Даже комары». Реальность с упорством маньяка доказывает, что все обстоит так, как она говорит, даже еще хуже.

За полтора года отчаянных поисков инвесторов я чуть было не вписался в проект с какими-то левыми бандитами, желавшими снять на базе моего кино комедийное софт-порно со своими любовницами в главных ролях; один из федеральных каналов чуть было не украл сценарий; меня чуть было не подставили под взятие «дружеского кредита» в банке. Но

главной, отравляющей существование проблемой стала вопиющая, вселенская несправедливость города-героя Москвы.

Самые бесталанные из наших однокурсников, нахрапистые региональные пареньки к своим тридцати стали топ-менеджерами телеканалов, совладельцами компаний по изготовлению рвотных сериалов или рекламных агентств.

Однокурсницы, когда-то читавшие Гёте в подлиннике и с презрением смотревшие на всех, у кого не было квартиры с эркером в районе Патриарших, периодически выпрыгивали у меня на глазах из тонированных немецких авто, которыми управляли сомнительного вида кавказцы или парни лет тридцати с безукоризненным маникюром и напряженным взглядом.

Если раньше знакомство с ними можно было завязать в буфете, теперь их буфетами стали рестораны в пределах Садового кольца, в сторону которых я даже смотреть боюсь. Стихи, знакомые с детства, о том, что у «каждой работы – запах особый», я мог бы дополнить тем, что запах есть даже у бедности. Это запах дорогих ресторанов, в которых ты никогда не поужинаешь.

Воровать я не умею, учиться этому поздно, да и негде. В целом, перспективы в этом городе у меня невзрачные – либо пополнить армию унылых клерков, либо загнуться от пьянства в компании собственных высокоинтеллектуальных друзей. Остается мечта. Всего один инвестор с одним миллионом долларов, на десять миллионов москвичей. И кино. И... впрочем, не будем о радужном будущем. Я не тщеславен, хотя... безусловно...

Мысленный полет к «Оскару» прерывает телефон, на дисплее которого значатся два неотвеченных вызова из офиса, одно эмэмэс и пара эсэмэс от Саньки. Эмэмэс оказался демотиватором, изображающим жирного котяру, и подпись под ним: «Погладь котэ! Погладь котэ, сука!»

Я ругаюсь в адрес отправителя и тру эмэмэс. Звонки с работы игнорирую.

Одно из эсэмэс – послание Саньки, который готов встретиться на «Маяковской», в сквере у театра Сатиры, минут через десять. Санька – мой хороший знакомый из клуба пятничных преферансистов. Литературный критик, вот уже пять лет пишущий роман об истории новой России. Хороший знакомый, а сегодня – так просто лучший, ведь предмет нашей встречи – марка ЛСД, которую Санька обещает достать уже месяц, а деньги за нее я заплатил месяца два назад.

Смотрю на накладную посылки. В адресе доставки значится бизнес-центр на Шмитовском проезде. Минут тридцать ходу. Еще минут двадцать на встречу с Санькой. Не успеть...

На Шмитовский дико не хочется. Хочется выпить холодного пива, позвонить Аньке из «РИА Новости» или домой и порезаться по сети в «Диабло». А посылка чтобы магическим образом самодоставилась...

Но добрые маги остались в мире «Диабло», вытеснив в реальность всю компьютерную нечисть – жуков, скорпионов, пауков, злобных драконов и плюющихся ядом птиц, превратившихся в жирных клиентов, офисных хозяйственников, коллег-курьеров, работодателей и секретарш из чеченских офисов. Они сидят в офисных башнях, за крепостными стенами из торговых центров и мебельных салонов, захватывают все новые и новые земли вокруг меня и миглом сжирают все полезные ископаемые, превращая их в бабло. Их армия множится с каждым днем, и выходит так, что противостоять ей мне нет никакой возможности. А главное – среди них нет ни одного инвестора...

Шмитовский проезд. Чертов Шмитовский проезд. И секретарша эта. «Через двадцать минут на Шмитовском». И это она сказала мне – выпускнику ВГИКа! В самом деле, мир изменился.

– Да пошла ты! – вслух бормочу я. – Я же тебе не реактивный.

И чтобы хоть как-то скрасить свою беспомощную злобу, иду к ближайшей палатке, где покупаю две бутылки гребаного «Миллера», с которым сажусь на лавку в сквере. Судя по времени, Санька вот-вот должен появиться.

Пиво, как обычно, кислое, народ вокруг непримечательный. Закуриваю, вспоминаю об Аньке из «Новостей» и, положив на колени кейс, начинаю отстукивать на крышке «Need you Tonight».

Дойдя до припева, неожиданно для себя, в конце барабанной дробы, нажимаю большими пальцами на хромированные клавиши. Кейс щелкает и открывается.

Обычно я не заглядываю в посылки, которые доставляю. То ли из-за воспитания, то ли (не хочется это признавать) из-за того, что это либо конверты, либо коробки, обмотанные скотчем. В общем, то, что вскрыть без следов насилия не представляется возможным. Кейс я везу впервые. Тем более такой, который открывается...

Сначала я подумал – что-то не то с глазами. Ну, там, раздвоение или проблема с хрусталиком. Нет, реально, этого просто не могло быть. Так не бывает. *В кейсе, ровными рядами, пачка к пачке, нежно изумрудного цвета, уютно лежат... доллары.*

Я засунул голову в чемодан и зачем-то понюхал пачки. Они пахли хлорвиниловыми кубиками из детства. С этим запахом у меня ассоциировались счастье, беззаботность и защищенность. Удивительно, что баксы пахнут так же. Наверное, это запах мечты. Я трогаю пачки руками. Я пролистываю парочку. Похоже, настоящие. Нет, точно настоящие... На лбу выступают капли пота. Кажется, я схожу с ума.

Закрываю кейс. Потом снова открываю. Не понимаю, сколько в нем денег. Аккуратно запускаю руку внутрь, глядя по сторонам, начинаю считать. Ровно сто пачек.

Кажется, теперь потеют даже колени.

Если в пачке сто купюр... успокаиваю дыхание... если в пачке сто купюр, то десятка. А десятка на сто... милл... миллион... Нет, это бред какой-то... МИЛЛИОН! Миллион долларов! «Тварь я дрожащая или право имею?» – вспоминается некстати. «And the winner is!» – тут же, на хорошем английском, вступает голос ведущего церемонии вручения «Оскара».

Сердце бьется где-то в области кадыка. Миллион долларов. Билет в любую границу и валить! Там немедленно начинать снимать. Потом, в середине проекта, можно продаться «Фоксу» или... главное – валить отсюда к чертовой матери! Кстати... ладно, маму потом перевезу. Жена не поедет, а Аня, причем здесь Аня?! Где-то на периферии сознания закралась шальная мысль о честности, промелькнули было чеченские «рендж-роверы» с надписью «Возмездие» на борту, пытки, возможное убийство и прочие гадости, но весь этот поток сознания был смыт дождем из долларов, далекими горизонтами новой жизни, а главное – огромными, высотой со стены Кремля буквами, складывающимися в слово СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Жизнь начала стремительно преображаться. Вспомнилось изречение Фредди Меркьюри: «Талант всегда себя проявит, дорогуша». Вспомнилось еще что-то о каждом большом состоянии, в основе которого лежит преступление. В целом – обычная интеллигентская хуйня, по поводу которой стоящий на обочине плакат с рекламой «British Airways», казалось, говорил: «Да, чувак!» И даже проходившие мимо девушки стали смотреть на меня как-то особенно игриво.

С очередным глотком «Миллера» улица вновь изменилась. Вместе с подобострастно глядящими, заискивающими обывателями, у которых никогда не будет миллиона долларов, появились завистливые ублюдки. Те самые жулики и проститутки, про которых говорила мать. Те, которые только и смотрят, как бы своровать чужое. Присвоить то, что плохо лежит. Нервно курящие водители маршруток, бомбилы у обочины, парни в спортивных костюмах, праздно шатающиеся у магазина. Менты в сдвинутых на затылок фуражках. Кажется, каж-

дый из них знает, что у меня в кейсе. И не нападают они только потому, что боятся перебить друг друга, когда начнется дележка. Опять испарина.

– Почему «Миллер», а не «Балтика»?! – раздался голос справа. – Не любишь нашу советскую Родину?

– А? Что?! – в испуге вскакиваю с лавки. – А, это ты Сань. Чего орешь? Люди вокруг...

– А чего тебе люди-то? – Санька изумленно посмотрел по сторонам. – Здорово, чувак!

– Здорово.

– Ну чё, как сам?

– Да вот, – сажусь, кладу кейс себе на колени, оглядываюсь по сторонам, – посылку... документы везти надо на другой конец Москвы...

– Ясно. – Саня садится рядом и берет вторую бутылку. – Можно?

– Угу, – гоню мысль о том, как бы Санька случайно не узнал о содержимом чемодана. –

Представляешь, второй кейс сегодня везу!

– А что в нем? – Саня отбивает крышку о край лавки.

– В нем? – кажется, меня слегка трясет. – Да... бухгалтерия какая-то... отчеты.

– А, – Санька сплюнул. – В пятницу играть будем? Я тут подумал, может, вист поднимем рублей до пяти? Чтобы почувствовать биение жизни?

– Да можно и... – предательски расслабляюсь. – Да брось ты, мы же френдли... На друзьях заработать хочешь?

– Факт, – Санька делает большой глоток, – хоть как-то оживить. Полоса пошла левая последнее время. Представляешь, Иваныча, судя по слухам, в кремлевский пул берут.

– Вау! – пытаюсь глотнуть пива, но оно не лезет. – Лаки Иваныч!

– Ага. – Он сплевывает. – По слухам, это жена его новая подсутилась. Лаки, лаки... Некоторые женятся, а некоторые – фак. Такая карма.

– Кстати о карме. Хороший стаф?

– Реальный. Мягкий, – Санька сует руку в карман моей куртки, – отходняка нет и кроет недолго. Тебе понравится.

– Спасибо. – Я натянуто улыбаюсь. – Мне не много в одно рыло?

– ХЗ, – пожимает плечами Санька. – Боишься, что ли?

– Да нет... так просто. Подумал, может, вдвоем попробуем?

– Вдвоем? – Он смотрит на часы. – Мне еще писать сегодня статью на *Look-at-me* про историю театрального костюма.

– Ты чего, хипстер?

– Почему хипстер? – вылупил глаза Санька. – Я историк костюма.

– А я и забыл...

– Реально, Дэн, мне через полчаса работать.

– Камон, бейби, лайт май эйсид... – как можно более небрежно замечаю я.

– Вот ты разводила! Ладно, давай.

Я достаю марку, снова оглядываюсь, делю на две половинки. Мы синхронно закидываемся, запиваем пивом. Минут десять молча курим и палимся на проезжающие маршрутки.

– Кажется, начало вставлять, – замечает Санька.

– Типа того. – Я пытаюсь разобраться с собственными ощущениями. То ли солнце стало светить ярче, то ли жара усилилась, но колеса машин у остановки будто бы слегка оплавились.

– Пора мне бежать, Дэн, – говорит Санька, глядя как бы внутрь себя. Во всяком случае, мне так кажется.

– Ну, давай! – не глядя протягиваю ему руку. – А долго держит-то?

– Говорю ж тебе, минут сорок. Так что ты давай к клиенту и домой. Как раз после клиента и возьмет жестоко.

– Понял, – допиваю пиво и швыряю бутылку в урну. Бутылка, летевшая мимо, в последний момент цепляется за край урны, просачивается сквозь него, падает на дно.

– Все, я ушел внутрь, – смеется Санька.

– Ага, – я смотрю как он медленно, будто ноги залипают в земле, пытается идти вперед и неожиданно для себя выдаю: – Слушай, Сань, а вот если бы у тебя был миллион долларов, чего бы ты с ним сделал?

– Чё? – будто в рапиде, оборачивается Саня.

– Миллион долларов, говорю, если б нашел, чего бы сделал?

– Я? – Саня вращает глазами. – Чё-чё... съебал бы отсюда.

– А куда?

– Да все равно. Лишь бы съебать...

– Согласен, – достаю сигарету.

– А с чего такой вопрос?

– Фиг знает, – пожимаю плечами, – теория бессознательного. Кислота, наверное, начала принимать.

– Может быть. Ты это, осторожней, ок?

– Ок, – говорю я уже его спине.

Опять ощущаю легкую дрожь и еще плотнее обхватываю кейс. Кажется, будто от долларов исходит магическое тепло, греющее руки, передающееся через пластиковую крышку и кончики пальцев всему телу. В кармане вибрирует мобильный.

– Давыдов, я не поняла, ты щас на Шмитовском или где? – раздался неприятный голос начальницы колл-центра. – Звонили из офиса «Трейдинвеста», волновались. Почему посылка еще не доставлена? Вылететь с работы хочешь?

– Я? С работы? Да пошла ты! – миролюбиво говорю я и отключаюсь.

Присутствие за спиной кого-то еще я ощутил сразу после того, как свернул в переулочек. Сначала это было частое, похожее на каблучки, постукивание по асфальту, пропадающее, как только обернусь. Пройдя пару домов, понял, что свернул не туда. Названия магазинов, козырьки подъездов и витрины закрытого кафе ничего не напоминают. Но поскольку в этой части города все переулочки параллельны друг другу, особенно не расстраиваюсь и решаю идти вперед, наудачу.

Из подворотни, ведущей на соседнюю улицу, раздается шуршание. Будто кто-то тащит по земле рулон линолеума или рубероида, или что там обычно рабочие таскают? Останавливаюсь – звук пропадает. Ускоряю шаг – шуршание следует из подворотни в подворотню. И хочется отнести происходящее к слуховым галлюцинациям, возникшим вследствие приема кислоты, но марка, по всем допустимым нормативам, свое действие исчерпала еще десять минут назад, напоследок причудливо оплавив неоновую букву «М», замяв купол храма Христа Спасителя и слегка выгнув павильон метро «Кропоткинская», витрины ресторана «Ваниль» и несколько крыш окрестных домов.

Я останавливаюсь, прислоняюсь спиной к стене и пытаюсь закурить. Улица сделалась совершенно безмолвной, даже звуки проезжающих машин исчезли. Затягиваюсь, гляжу по сторонам. Я примерно посередине переулочка. Примыкающие к нему с двух сторон улицы отсюда уже не видны. Вокруг никого, большая часть окон темная, а в немногих других светятся голубые огоньки. Обыватели в тапочках на босу ногу предаются культурному досугу. Вот так закричишь: «Помогите!» – хер кто отзовется. Куда идти-то? Вперед? Или уже назад ломиться?

Выкидываю окурок в подворотню и смачно сплевываю под ноги. Немедленно раздаётся шуршание. Потом кто-то стучит несколько раз палкой по металлу. Гопники! Обеими руками прижимаю к груди кейс и бросаюсь вперед. За мной по пятам гонится шуршание и

цоканье, а потом раздаётся утробный полурев-полукашель. «Собаку, что ли, с собой взяли, суки?» – Запрещаю себе оборачиваться и прибавляю ходу. Рев усиливается. Видимо, гопники натравили пса по следу, а сами принялись окружать.

Несусь сломя голову. Недобро осветив руины снесенного дома, слева полыхнула вспышка надвигающейся грозы. По спине потекли ручьи пота. Сзади задышала псина. Повинуясь инстинкту загнанной жертвы, делаю бросок сперва вправо, потом влево, между домов. Впереди спасительный забор. Перекидываю через него кейс, отчаянным броском кидаю свое тело вверх, цепляюсь руками и перелезаю на другую сторону.

Шлепаюсь на гору песчаника, рядом с кейсом. С другой стороны в забор что-то ударилось. «Что, падла, не умеешь прыгать?» У меня еще хватает сил надсмехаться над псом. Но гопники умеют прыгать, это я точно знаю. Хватаю кейс и перебежками тороплюсь к строящемуся дому, петляя между катушек с проводами, кранами и бытовыми кабинками. У подъезда многоэтажки замечаю здоровенную трубу и ныряю туда.

Несколько минут лежу, распластавшись внутри бетонной сферы. Гопники не появляются. Вдали завyla собака, видимо, отчаявшись поймать добычу. Улыбаюсь и выглядываю из своего укрытия. Никого.

Вылезаю наружу, сажусь на кейс, закуриваю. В небе изредка сверкает молния, начинают падать капли дождя, пару раз налетает ветер, принеся с собой газету, которая попорхала, попорхала и уселась на резиновый шланг весьма крупного сечения, выходящий между бытовок.

Гопники были первым и последним доводом в пользу быстрого отъезда из города. Я тупо пялюсь на шланг и размышляю о том, как все-таки лучше свалить из Москвы? Самолетом, поездом или машиной? Аэропорты точно возьмут под контроль, машину долго мутить, выходит поезд. Либо в Минск, либо сразу в Финляндию. А оттуда...

...шланг приходит в движение. «Флэшбэчить начало, ща пройдет», – прикрываю глаза, потом снова открываю. Шланг исчезает, надо завязывать с кислотой. С этой минуты завяжу. Теперь, в преддверии новой заграничной жизни, с кучей денег, подобные обещания даются особенно легко. Встаю, выдыхаю и, прихватив кейс, двигаю вперед. Позади кто-то чавкает. Оглядываюсь и инстинктивно шлепаюсь на задницу...

Передо мной, сияя радужной пленкой перепончатых крыльев, матово блестит рыбьей чешуей *оно*.

– Ебанный насос! – моментально ощущаю прилипшую к спине рубашку.

Таких я видел только в фильмах ужасов. У гадины жирный, будто каучуковый хвост (который поначалу я принял за шланг), когтистые лапы, длинная шея с шипастым ожерельем, безухая, похожая на кабинку крана башка и разверстая крысиная пасть. Делаю два шага назад – тварь чавкает и медленно перемещается, издав знакомый рубероидный шорох.

Я не ору, за меня верещит кто-то другой. Ноги несут вперед, к подъезду недостроенного дома, а мочевого пузырь вдруг слабеет и дает течь. Перед тем как юркнуть в подъезд, оглядываюсь и вижу, как тварь перепрыгивает, подобно подстреленному голубю, через катушки с проводами. Ростом больше собаки, но несколько меньше, чем должен быть дракон, так мне кажется.

Вход в подъезд огорожен ржавым металлическим забором в узкую решетку. Тварь между прутьями пролезть не смогла бы, а напуганный смертным страхом человек – еще как. Просочусь. Успеваю подумать о том, откуда в Москве драконы, о том, что их могли разбудить вечными копаниями в центре строители, о том, почему Лужков не заводит специальные команды по выявлению в недрах города этих мразей, о летнем отдыхе с женой и о том, что дракон, наверное, еще щенок... малек... маленький, короче. Сделав еще один шаг, в пяти сантиметрах от решетки спотыкаюсь и падаю, больно ударившись о прутья головой.

Открыв глаза, вижу дракона. Он сопит и смотрит на меня своими красными глазами. Поскольку тварь не сожрала меня сразу, остается возможность диалога. Не факт, что успешного, но все же дающего шанс:

– Ну чего тебе надо? – сиплю я. – Фу! Фу, тебе говорю! Я несъедобный!

Тварь урчит.

– Я ЛСД жрал, дурак! Ты отравишься!

Тварь вопросительно нагибает башку.

– Наркотик такой! От него вам... драконам... пиздец сразу... то есть смерть...

При слове «смерть» дракон начинает разбрасывать лапами землю и беззвучно разевать пасть.

– Вот-вот... я тебе говорю, не надо меня! Пошли лучше на набережную, там собак бродячих до жопы. Сожрешь кого хочешь.

Тварь чавкнула, и, как показалось, сплюнула.

– Не хочешь собак? Ну, там кошек много... людей еще много. Ментов! Во! Менты знаешь какие вкусные?

Дракон прикрывает глаза и садится.

– Вот молодец, хороший дракончик. Пойдем, я тебе покажу, где ментов пожрать можно.

Я пытаюсь привстать. Дракон немедленно вытягивает башку в мою сторону и рывкает, обдав запахом стирального порошка и какой-то гнили. Снова сажусь на землю. Дракон немигающе смотрит на меня. Так продолжается какое-то время.

– Хорошо-хорошо, не пойду. Чё, так и будем тут сидеть? Чё тебе от меня надо? Жрать ты меня не хочешь, так? – медленно говорю я, как дрессировщик. Если бы я еще знал, как говорят дрессировщики.

Дракон склоняет башку набок.

– Уйти ты мне тоже не даешь... Чего ты хочешь?

Дракон отталкивается хвостом и висит над землей.

– Черт... я тебя не понимаю...

Дракон выставляет в сторону левую лапу фиолетового цвета, будто обтянутую тканью лосин, и начинает ее лизать.

– Ты чего, хипстер? – более умного вопроса в голову не приходит.

Ситуация почему-то больше не пугает. Скорее напрягает недосказанностью. Мои познания о драконах ограничиваются компьютерными играми, сказками и недавно просмотренным мультиком «Как приручить дракона». После того как мальчик из мультика встретил раненого дракона, который не мог летать, меня наглухо вырубило по причине алкогольного опьянения, а включило обратно ровно под титры.

– Ты летать не можешь? Тебе помочь? – Я протягиваю к нему руку. Он подается в сторону и присаживается рядом с кейсом.

– Вроде летаешь. Э... чувак, может я пойду? – почесываю затылок. – Вот возьму и пойду сейчас.

Дракон молчит. Я делаю шаг в сторону, потом спохватываюсь и пытаюсь взять кейс. Дракон немедленно начинает реветь. Кажется, кое-что проясняется.

– Епта... тебе бабки мои нужны, что ли? – вспомнилось толкиеновское: «Гномы становились алчными и вгрызались все глубже в горы в поисках золота. За это их пожирали драконы». – Ты меня на бабки кинуть хочешь, да?

Тварь шипит.

– Не... ну ты... ты какой-то дракон-гопник! – Меня охватывает дикая злоба. – Хошь, мобилу еще возьми!

Тварь гавкает, не потерпев оскорбления.

– Ладно-ладно. Давай хоть поделим, а? – Я пытаюсь подойти к ситуации с позиции здравого смысла. – Попролам. Нет? Хорошо, давай сорок процентов мне, остальное тебе! Нет?

Тварь снова шипит.

– Не хочешь? Ну ты, сука, жадный...

Достаю сигарету, закуриваю. Дракон с интересом смотрит на меня. Кажется, ситуацию выгребает к мирному исходу. В этот момент я принимаю опрометчивое решение. Хватаю кейс и стремглав бросаюсь наутек. Позади раздается шуршание крыльев, дракон облетает меня, сбивает хвостом с ног и ставит когтистую лапу на грудь, явно намекая на пиздец. Голова дракона почти касается моего лба, он открывает пасть и показывает широкий черный язык.

– А-а-а-а-а-а!!! – Меня колотит паника, высаживает в холодный пот, я хватаюсь за последнюю соломинку. – Да подавись ты этим баблом! – откидываю кейс в сторону, и дракон немедленно прыгает за ним, дав мне возможность встать и со скоростью олимпийского чемпиона ломануться прочь. Туда, к забору, ограждающему эту территорию зла от нашего мира.

По-десантному перемахиваю через забор и бегу. Бегу не оглядываясь. Бегу не разбирая дороги. Бегу еще несколько переулков, пока не нахожу себя в районе метро «Парк культуры», у палатки, продающей шаурму...

Гастарбайтеры

*Он – Гастарбайтер.
Он танцевал с ментами дивные балеты,
Пусть даже именем не названа планета —
Он силен, а ты бессилен, да!
Он – Гастарбайтер,
Ему так весело и страшно в лапах МКАДа.
Ундервуд. Гастарбайтер*

Около девяти часов утра. Остоженка

– На-на, не ори, – Вася нехотя отдал остатки шаурмы Фархаду, который последние пять минут разгневанно лопотал что-то на своем родном языке, воздевая грязные кулачки к небу. – Чё ты быкуешь? Фалам-салам, тут мяса еще осталось на роту солдат. – Остались, – передразнил его Фархад и впился в шаурму своими редкими, как у мурены, остренькими зубами. – Откуда у тебя такой аппетит с похмелья? – хмыкнул Вася. – Я гляжу, вы, таджики, жрать можете в любом состоянии, да? Скажи, Федь (с момента первого знакомства именно так нарек он таджика), а вот если тебе телку подогнать, голую... такую... модель с сиськами четвертого размера, с... как в телевизоре, в общем, а рядом поставить тарелку, нет... казан с пловом. Ты сначала телку будешь трахать или сразу плов начнешь жрать?

– Э... фаба... пилав... – Фархад попытался с набитым ртом высказать свое мнение о данной проблеме, да так и застыл. Моделей он в своей жизни не видел, телевизор в его кишлаке был один на десять семей, и голых телок по нему не показывали. А плов он ел последний раз два месяца назад, когда его земляки с соседней стройки набили в подобие казана стеклянный московский рис, худосочную курицу и рахитичную морковь – все, что выдала им в качестве зарплаты за разгрузочные работы толстая тетка, заведующая овощным магазином, утерев тыльные стороны ладоней об укусного цвета фартук. Плов тогда получился прогорклый и невкусный, не то, что дома.

– Ясно все с тобой! – Вася потянулся. – А я бы ща отодрал кого-нибудь. Вчера, прикинь, снилось, что мы с женой трахаемся. Во как. Прямо так натурально, как до свадьбы. Фархад, ты по жене скупаешь?

– Да-а-а, – протянул Фархад и снова вспомнил о доме, четверых детях и жене – вечно замызанной маленькой женщине с испуганными карими глазами и рано отвисшей грудью. Фархад грустно втянул в себя воздух и принялся доедать шаурму.

Солнце выскочило над скелетом новостройки и залило своим радиоактивным светом поляну с монтажными кабинками, катушками проводов и стопками плит. Вдруг стало нестерпимо жарко. Вася расстегнул рубашку, почесал грудь и потянулся за сигаретой.

Он любил такие утренние часы, от половины седьмого до восьми. В это время хорошо было сидеть, покуривать и неспешно валять в голове разные жизненные мысли. Хотя, если разобраться, думать с каждым днем оказывалось по большей части не о чем.

Наступал очередной солнечный день никчемной Васиной жизни. В восемь утра стройка закишит людьми, затарахтит «камазами» и заскрипит кранами. Наполнится требовательными хрипатыми криками прорабов и вечно оправдывающимися голосами гастарбайтеров. Они с Фархадом пойдут раскидывать цемент, примерно до обеда, потом уплотнять швы на девятом этаже, а ближе к вечеру их наверняка перебросят на разгрузку стекловаты, или межквартирных дверей, или еще чего-то.

Второй год здесь, в Москве, Васино время делилось не на часы, а на отрезки – «с утра», «после обеда», «до вечера». Хотя обеда, как правило, не было никакого – в смысле пожрать, а

«до вечера» могло растянуться сколь угодно долго. Еще в его жизни присутствовали выходные, залитые водкой, пахнувшие дешевыми духами случайных любовниц, ментовскими «обезьянниками» и вагонами метро. Раз в месяц выходные пахли стерильным, обезжиренным офисом «Вестерн Юнион», через который Вася переводил заработанные копейки в Донецк жене Кате (судя по разговорам с оставшимися в городе друзьями, имевшей любовника) и восьмилетнему сыну Антошке.

Так и плутал Васька меж трех этих сосен под названием «стройка», «Вестерн Юнион» и «выходные». По сыну скучал умеренно, жену вспоминал только когда подписывал перевод. Вот такая жизнь. А ведь когда-то был известным на районе автослесарем. Из тех, про кого говорили «золотые руки» или что там обычно говорят?

В последние месяцы Вася остро ощущал необходимость что-то поменять. В первую очередь свалить со стройки, во вторую – из Москвы. А еще зуб передний вставить. Золотой. Ваське очень нравились золотые зубы. Они добавляют значимости, солидности. Всего того настоящего, что ценилось в мужике в Донецке и что совершенно исчезло здесь – в Москве. Городе, который Василий ненавидел. Ненавидел не столько за злобу его вечно куда-то бегущих жителей, или нарочитый разврат ночных улиц, или наглое, развязное барство его скорспелых нуворишей. Нет.

Главным образом Вася ненавидел Москву за то, что она его обнулила. Деклассировала, лишила отличительных свойств, засунув в тысячные шеренги «понаехавших», между Фархадом и Гумилем. Даже менты на улице, вместо обычного «мужчина», обращались к нему теперь только так:

– Регистрация?

Москва ежедневно унижала его, словно напоминая, что он, в прошлом нормальный донецкий пацан Вася Бенукович, теперь – всего лишь один из *этих*, как их, которые на стройках-то? Гастарбайтеров...

И если для кого-то олицетворением города был Кремль, или храм Христа, или даже Лужков, то для Василия Москва ассоциировалась с вечно похмельным прорабом Трифоновым. Козлом, гонявшим латать швы на высоких этажах без страховки, красить стены офиса владельцев стройки за «ну, вы же понимаете, мужики» – вместо зарплаты. Вычитавшим из копеечных заработков за жилье в бытовках и постоянно задерживающим бабки, ссылаясь на то же понимание, которое должно быть у «мужиков». В начале той недели Трифонов собрал у группы Василия паспорта, якобы для новой регистрации, а вчера заявил, что отдаст, если два этажа ко вторнику «будут, бля, сданы».

Вот такие мысли гонял Василий, трогая кончиком языка лунку, образовавшуюся на месте выпавшего зуба. Золотой бы не помешал. В натуре, очень даже был бы в тему золотой зуб.

Фархад продолжал молча жевать. Он боялся Трифонова, боялся выходить со стройки, боялся потерять деньги по пути в контору для переводов. И каждый день просыпался и засыпал с мыслью: не было бы хуже.

– Ваф-ваф-ваф-rrrrrrr! – огласил округу здоровенный рыжий кавказец, с обрезанным пластиковым ведром вокруг шеи, – ваф-ваф-ваф!

– Ну чего ты разорался, Казбек! – Вася присел и принялся гладить подскочившего пса. – Дай, я тебе ведро поправлю.

Надеть на Казбека ведро придумал Вася после того, как Казбек три дня подряд стаскивал лапой грязные повязки, прикрывавшие рану на шее. Ведро было криво обрезано, и торчавшие его кромки делали Казбека похожим на океанскую игуану с ожерельем из шипов вокруг шеи, какую Вася когда-то видел в передаче «мире животных».

– Вот, так лучше. Иди, гуляй! – Вася хлопнул пса по боку, но пес еще сильнее залаял и принялся скакать вокруг рабочих, будто стараясь привлечь к чему-то их внимание.

– Уиди, уиди, – замахал рукой Фархад, когда пес попытался схватить его за штанину и дернуть в сторону.

– Может, нашел чего? – Вася удивленно посмотрел на собаку. – Казбек, искать! Ну-ка! Ищи, ищи!

Чего искать, Вася и сам не знал, но пес будто этого и ждал. Он присел, отдышался, высунув язык, и прыжками начал уходить в сторону подъезда многоэтажки. Строители поплелись за ним.

Свернув за угол, они увидели Казбека, сидящего рядом с серым пластиковым чемоданчиком.

– Ёба! – присвистнул Вася.

– Багаж, – кивнул Фархад, у которого так назывались все вещи, которые носят в руках. Первое слово, которому его научили грузчики на Ярославском вокзале.

– Сам ты багаж! – Вася подбежал к кейсу. – Хорошая собака, Казбек, чемоданчик нашла. Хороший пес. – Одной рукой Вася погладил собаку, другой приподнял кейс. – Тяжелый, сука. Так, а чей это у нас чемоданчик, интересно? – Вася огляделся по сторонам, понизил голос. – Кто ж это у нас тут чемоданчик-то обронил, а? Ну-ка, Федя, посмотри по сторонам, я его в подъезд затащу, посмотрю, что внутри.

– Я с тобой, – грозно сдвинул брови Фархад.

– А зачем тебе со мной-то? – затараторил Вася. – Зачем тебе со мной, Федь?

– Делить почестными будимь, – Фархад двинулся на Васю.

– А чего делить-то? – продолжал строить дурачка Василий. – Может, там и нет ничего? Может, там трусы сраные?

– Все равно почестными! – Фархад помнил, как весной Вася обманул его хамским образом, когда они вдвоем сдали в пункт приема цветных металлов тяжеленную бобину проволоки. Тогда Вася из причитающейся суммы вычел пятьсот рублей, которые якобы дал приемщику, чтобы тот закрыл глаза на то, что бобина ворованная.

– Ладно, – махнул рукой Вася, – пошли, недоверчивый, епта. – В подъезде поднялись на четвертый этаж, сели на черной лестнице. Вася положил чемодан себе на колени и начал примериваться к замкам. – Посвети зажигалкой!

Но замки, на удивление, открылись без взлома. Вася приоткрыл кейс и тут же хлопнул крышкой.

– Шито там? – испуганно зашипел Фархад.

– Там пиздец, – тихо ответил Вася.

– Совсем сильно пистец, та?

– Уффф! – Вася выдохнул. «Господи, неужели ты есть, а? Даже двум таким мудакам, как мы, помогаешь. Надо бы первым делом в церковь. Свечку поставить».

– Ну? – У Фархада на лбу выступили капли пота. – Ну, открой, ну?

– На! – крикнул Вася и откинул крышку.

Фархад присел на корточки и забормотал на родном языке. «Ташикент», – единственное, что понял Вася из этой бессмыслицы.

– Какой Ташкент, Федя! За эти бабки весь твой чуркистан купить можно, а ты «Ташкент»!

Но Фархаду не нужен был весь чуркистан. Он думал о том, как долетит до Ташкента, погуляет там, вернется в родной кишлак на самой крутой тачке. На «девятке», например. Или нет, на джипе! Купит дом с белыми стенами и высокой крышей. Поставит тарелку спутниковую, какую видел в офисе, и будет бабки собирать, показывая односельчанам кино. С голыми, между прочим, моделями. И еще две молодые жены, обязательно. Но это примерно через год. Фархад протянул руки и положил их сверху на купюры, будто впитывая энергию, которая понесет его в будущее.

Васе вдруг стало грустно. Он смотрел на медитирующего над деньгами Фархада, заладившего про Ташкент, и думал о том, что он-то точно в Донецк не поедет. Нет, часть денег он семье перешлет, чтобы по-честному, но домой не вернется. Прикупит дом где-нибудь в ближнем Подмоскowie, откроет автомастерскую, а там видно будет.

В принципе, с такими бабками можно свою строительную компанию открыть, – размышлял Вася, а этого мудака Трифонова нанять прорабом. И пиздить, тупо пиздить. Каждый день...

– Телить тавай! – очнулся Фархад. – Тавай теньги телить!

– Чё телить! Чё телить? – Вася ударил его по рукам и хлопнул крышкой. – Вот поделим мы их сейчас, и чего? Ты хоть понимаешь, сколько тут денег, дубина стоеросовая? Тысяч сто, а может, и двести! А может, и миллион! Миллион баксов, Федя! И куда ты их положишь? За пазуху? Или по карманам рассуешь? И первый мент твой, да, Федя? И что ты ему скажешь, когда он тебя, барана, спросит, где ты их взял?

– Нашол. – Фархад вытянул губы трубочкой, сделавшись похожим на утконоса.

– Где?

– На ситройке.

– Это где же у нас в Москве такие стройки, что там чемоданы с баксами лежат, а?

– Там, – Фархад махнул рукой в сторону окна.

– Там, да? А может, ты террорист, чурка ты ебаная, а? – скажет тебе мент. – Может, тебе эти бабки дали, чтобы ты у нас в Москве, сука, дома взрывал, а? Регистрация есть? Нет? А может, ты еще и девочек русских тринадцатилетних насилуешь? А потом магнитолы из машин воруешь? Тогда ты, в натуре, террорист!!

– Какой магнитол? – залепетал Фархад. – Какой магнитол? Шито телать?

– В банк пойдем, – многозначительно изрек Вася. – Положим их на счет, потом – в магазин, костюмы покупать и билеты домой. Потом, переодетые, бабки заберем, разделим по-честному – и по домам. Понял, нет?

– Это как?

– Короче, слушай меня, я знаю как! – Вася вскочил, схватил кейс, и герои засеменили по лестнице вниз.

У подъезда стояла «Газель» с открытыми бортами, груженная унитазами и раковинами.

– Тихо, – Вася передал кейс Фархаду. – Сядь на него и сиди тихо!

Фархад послушно уселся на кейс. Вася на цыпочках подкрался к кабине водителя, заглянул внутрь, потом забежал за угол, выдержал паузу и вернулся к машине:

– Федя, ну-ка помоги! – Он ловко вспрыгнул в кузов и оттащил от края унитаза, завернутый в целлофан. – Бери!

– Зашем? – испугался Фархад.

– Чё «зачем»? Бери, тебе говорю! На рынке ща сдадим!

Фархад обернулся на кейс, поплевал на руки и послушно принял сантехнику.

– Зашем нам унитаз? – запричитал Фархад, когда они подошли к дыре в заборе. – А, Вася? Зашем нам унитаз воровать, мы же теперь богатые, да?

– А деньги мы, можно подумать, не своровали, да? – злобно оскалился Вася. – Они нам с неба упали, ёпта. За труды наши, так?

– Зашем своровали! – Фархад побледнел. Он попытался сообразить, сколько лет дадут за кражу такой суммы. – Зашем своровали? Нашли!

– Нашли, – передразнил его Вася, – вот и унитаз тоже нашли. Большие деньги мы домой повезем, а унитаз тут сдадим. Ну, водочки там, пивка. Как обычно. Сам понимаешь, – подмигнул Вася.

– Большие теньки домой, – улыбнулся Фархад. – Большие... домой... та-а.

– Домой, – кивнул Вася.

План кинуть Фархада созрел у Васи тотчас же, как только он увидел бесхозную «Газель» с унитазами. «Доберемся до рынка, сдадим унитаз, рассчитываться пойдет Фархад, – прикидывал Вася. – Он же тогда верещал, когда проволоку сдавали. Теперь все по-честному. Пусть сам бабки принимает. А я огородами, огородами – и в метро с чемоданчиком. В метро.

И потом, зачем чурке столько бабок? Ну, вот реально, зачем? Его либо кинут, либо он сам потеряет. Такие это люди. Нет, конечно, можно было бы ему сейчас пачку дать, ну чтобы совсем чувака не обижать. Да, небось, просечет. Просечет и арматурой по башке съездит. Такие это люди. Доверять нельзя. И потом, он же всегда говорил, что «Москва крысывый горот». Вот пусть в этой «крысоте» и остается. Все лучше, чем кишлак, да? А мне Москва задаром не нужна. С такими-то бабками. В гробу я ее видал!»

Вася поднял голову и улыбнулся. Солнце больше не раздражало.

Душно

*Who knows? Not me
We never lost control
You're face to face
With the man who sold the world.*

David Bowie. The Man Who Sold the World

Вова. Десять часов утра. Остожженка

Душно. Солнце раздражает. Валяюсь, размазанный по креслу, положив ноги на пуфик. В руке зажат хайбол с *Bacardi Spice*, хотелось бы сказать «запотевший», но он, сука, теплый, как и все здесь. Как плотный смог за окном, как оконная рама, как кусок сыра, подтекающий на кухонном столе. Кажется, даже лед в генераторе и тот теплый. Очередной московский сентябрь окончательно свернул всем мозги, и даже вещи теперь научились потеть. – Кноск-кноск-knocking on heaven's door, – пластмассовым, совершенно лишенным эмоций голосом, поет неизвестная мне девица с бог знает какого по счету диска *Vintage Café*. Вспоминаю, с каким зарядом секса напололам с героином пел ту же песню Эксл Роуз. Становится очень душно.

На противоположной стороне улицы дом, на который я тупо пялюсь, пытаюсь поймать фрагмент другой, возможно, более интересной, чем у меня, жизни. Но в чужих окнах все так же безжизненно. Только занавески полощутся от кондиционера. Закрываю глаза, пытаюсь представить себя одетым только в шорты с узором из больших цветов. Я стою у такого же огромного, в пол, окна, а за ним – море, и на море серферы, и стайки молодых девчонок играют в тарелку, а в баре чувак в панаме сосредоточенно пьет мохито, кажется, уже целый час. Я открываю окно, и в комнату врывается свежий морской воздух.

– Я хочу уехать, – обреченно говорю я, – в Америку. В Лос-Анджелес, например.

– Лос-Анджелес – не Америка. Так же, как и Париж – не Франция, – отвечает существо, сидящее на диване, не отрываясь от покраски ногтей на ногах лаком цвета спелой вишни. – Эти мегаполисы совершенно не отражают страну, существуя отдельно. Как в России...

Я не слышу конца фразы. «Как в России – Москва», очевидно. У меня немедленно сводит скулы и пересыхает во рту от злости. И мне бы сейчас развернуться и рассказать ей, как сильно я не люблю персонажей, рассыпающих навязшие в зубах, заезженные цитаты, которые они подслушали на вечеринках у иностранцев, «определенно разбирающихся в предмете», или подсмотрели в блогах, или в культурных программах. Причем говорится это всегда и всеми одинаковым тоном, с одинаковым изломом губы и покровительственным снобизмом в глазах.

Мне бы сейчас спросить ее, что она, строящая из себя всезнайку, высокодуховная дочь богатых родителей, которая путает Дебюсси с Рахманиновым, знает, например, о Париже? О городе, который состоит по ее мнению, из Invalides, avenue Montaigne, St. Honoré и Musée d'Orsay (потому что культурненько)? Слышала ли она песни полупьяных торговцев гашишем в Bobigny? Разговаривала ли с безумными художниками в кафе, затерявшихся в переулках за Пантеоном? Дышала ли она кислым потом случайно сошедшихся на одну вечеринку на крыше дома в районе Маре обдолбанных леваков, сталелитейных магнатов, торговцев антиквариатом и молодых моделек, нелегально живущих тут уже пятый год?

Проще в нее стаканом залепить. Прямо в лоб, да, боюсь, она не поймет этой метафоры.

Ей двадцать семь, она девушка из хорошей семьи, она не забывает делать заинтересованное лицо и уместно вставлять ремарки, когда я говорю о современном искусстве, английской музыке или американской литературе, она разбирается в винах и последних коллек-

циях моды. И самое главное – она подходит к этому пентхаусу на Остоженке, моему уже не новому автомобилю «*Aston Martin*», к столику в лондонском *Zuma* и моему новому пиджаку *Martin Margiela*.

Ко мне, одним словом.

В этом городе так мало предметов, вызывающих эстетическое удовольствие, что определенно не стоит портить один из них, тем более ударом тяжелого стакана. Поэтому я робко отвечаю:

– Пожалуй, ты права. Выпьем?

– Володя, ты начал выпивать, не дожидаясь обеда. – Она наконец поднимает на меня глаза. – Хорошо ли это?

– Да, но ведь где-то уже полночь?

– В смысле?

– Ну, там, где нас сейчас нет. В Нью-Йорке, или в Рио, или... там, куда хочется уехать, одним словом.

– Ты сегодня поедешь в офис?

– Куда? – Я на секунду теряю нить.

– На работу.

– Не уверен... скорее нет, – делаю глоток пряного рома и мысленно даю себе пинка за малодушие. Вместо того чтобы иметь силы прогонять ее ненадолго, мне приходится уезжать из дома самому и врать ей, что работаю. Господи, как сильно я стал привыкать к вещам и людям. Это от старости или от излишней сентиментальности?

– Ты за эти дни стал ужасным ленивым брюзгой, Володя. – Она шутливо грозит мне пальцем. – Все оттого, что сидишь дома. Ты устроен так, что не можешь без работы. Ты постоянно должен быть занят.

«Занятие у меня получше, чем у многих. А с работой... Неужели ты веришь в то, что я в состоянии где-либо работать?»

– Я бы на твоём месте не оставляла такую большую компанию без присмотра дольше, чем на два дня...

– Ты слишком серьезно к себе относишься.

– Причем тут я? Мой папа всегда говорит – это город жуликов и бездельников.

– Это от жары, – говорю я, – или оттого, что музыка плохая играет... или...

– Как это связано с музыкой?

– В смысле, твой папа прав. Как и всегда, впрочем. – Я заставляю себя подняться и поменять надоевший диск в проигрывателе. Рассматриваю свое отражение в затемненной поверхности музыкального центра. Определенно, пора делать тонировку волос. «Тш-ш-ш» – медленно выезжает компакт-диск, лишая мое отражение глаз и переносицы. – Точно. И морщины вокруг глаз надо бы убрать.

– Ой! – взвизгивает та, что сидит на диване, заставив меня резко обернуться.

– Я лак пролила. – Она застыла с растерянной улыбкой на лице, кисточкой от лака в левой руке и незажженной сигаретой в правой. – Блин... какая я неуклюжая!

– Да брось ты! – Я делаю попытку улыбнуться, внутренне радуясь тому, что кто-то еще, кроме меня, переживает из-за пятна красного лака, которое совершенно не идет кипенно-белой поверхности дивана *Armani Casa* за двадцать тысяч евро. Более того, пятно его окончательно и бесповоротно уродует.

– Черт! – Она обводит глазами свои ноги. – Еще четыре ногтя осталось. Как же я теперь... Надо было в салон идти...

– Может, ацетоном попробовать? – без особого энтузиазма роняю я, глядя на пятно.

– Кого? Ногти, которые я уже намазала? – Она задумчиво смотрит на сигарету. – А потом в салон спуститься? Вариант. А то я еще час буду ходить с распорками между пальцев, как Хепберн в «Завтраке у Тиффани», правда?

– Правда. – Я грустно киваю и подношу ей зажигалку.

«Пора ее гнать отсюда к чертовой матери. Год – это слишком много, даже для меня».

– Спасибо! – Она затягивается.

– It was a very good year, – раскатисто заводит Фрэнк Синатра.

На противоположной стороне улицы дом, а рядом – обнесенная забором стройка очередного элитного монолита. Бытовки, бобины какие-то, пластиковые коробки, похожие на био-туалеты, башенный кран и два гастарбайтера, лениво бредущих к забору. У одного в руках унитаз, у второго – серый кейс. Оба предмета, весьма вероятно, украдены. Я смотрю в окно и задаю себе вопрос: какого черта было тратить двадцать пять тысяч долларов за метр жилья «премиум-класса» в «престижном районе Москвы», чтобы потом смотреть на гастарбайтеров, ворующих унитазы? «Точечные» застройщики города полагают, что у меня не подключен «Дискавери», и мне реально необходимо наблюдать за жизнью отсталых народов мира, или что? Или это такое неброское ежедневное напоминание о том мелком воровстве, с которого все когда-то начинали?

Но я не воровал унитазы на стройках! Я закончил английскую спецшколу и приличный вуз. И когда я его заканчивал, в городе гастарбайтеров не было. Даже слова такого в общепотребительном лексиконе не существовало! Это вы, суки такие, притащили сюда таджиков, хохлов и молдаван! Вы ввели в употребление это мерзкое лающее слово! Вы понастроили эти гребаные дома, придумали продавать в них метры по несусветным ценам, чтобы жители «элитных» пентхаусов смотрели потом на все это безобразие и думали, когда лучше свалить в Лондон – завтра или следующим рейсом? Но я-то купил эту квартиру, потому что вырос в соседнем доме, который вы успели снести, а не потому, что «добился всего этого сам». И теперь вы все приезжаете и приезжаете в Москву, а мы все бежим и бежим из нее...

Я дотронулся кончиками пальцев до лба. Сделал два шага, дернул ящик кухонного шкафа, достал упаковку ксанакса, открыл холодильник, достал бутылку «Перье». Проглотил таблетку, судорожно запил. Существо сидело на диване, отодвинув в сторону ногти на ногах и лак. Теперь ее, кажется, увлек один из альбомов галереи Тейт.

Нет, положительно надо улететь и подлечить нервы. Утренние проклятия неизвестным гадам – верный шаг к шизофрении. Надо быть... более отстраненным, что ли?

В кармане завибрировал айфон. Смотрю на экран.

– Да, Саслан, – отвечаю, стараясь говорить как можно спокойнее, – спасибо, хорошо.

Захожу в кабинет, закрываю за собой дверь. Два оборота ключа.

– А у тебя? Какая? Да ты что? И много? А зачем ты их в чемодан-то положил? Что значит «жэст»? А, понятно. И что было потом? Как? Так просто взял и исчез? С курьером? А курьер откуда? Ясно. Нет, думаю, не стоит. Нет, Саслан, я уверен, что не стоит. Конечно, можешь перестрелять всю курьерскую службу, я в тебя верю, какие у меня сомнения? Ты слишком серьезно к себе... то есть к ним относишься. Пидорасы полные, кто бы спорил. Конченные, я бы сказал. Но если ты их всех перестреляешь, мы никогда не поймем, кто конкретно отвинтил у нас кейс. Потому что. Потому что, ну... это очень правильно, убивать людей, которые тебя обманули, Саслан, я тебя понимаю. Но с трупами всегда есть одна проблема... они потом не могут говорить, понимаешь, Саслан? Пока не знаю. Я тебя услышал. Я тебя услышал очень хорошо, Саслан! Мне нужно подумать. Я буду через полчаса. Обсудим, слышишь?

Mentos! The freshmaker!

*Ездим по району, стрижем капусту.
Летом народу полно, зимой не густо,
План поимки преступников всегда выполняем:
Если кого не досчитаемся, прохожими добираем.
Вася Обломов. Кто хочет стать милиционером?*

Десять часов пятнадцать минут. Остоженка.

– Слышь? Стоять! Э, а ну стоять! – окрикнули сзади. – Слышь?! Вася и Фархад синхронно начали разворачиваться. Фархад, увидев милицейскую машину, от страха исполнил еще один лишний оборот, сделавшись, со своим унитазом в руках, похожим на игрушечного деревянного медведя с барабаном, вращающегося вокруг своей оси. – Чё, оглохли? Стоять, я сказал! – крикнул практически по пояс высунувшийся из окна машины старшина. – Та-а-ак. И кто мы такие? – Из второй дверцы на землю уже вальяжно ступал лейтенант. Он оправил китель, слегка сдвинул назад фуражку, несколько раз надул щеки, сделал глубокий выдох. – Регистрация есть?

При слове «регистрация» Фархад бросился бежать.

«Пиздец, приплыли», – подумал Вася и зачем-то поставил кейс на землю.

– Стрелять буду! – выпучив глаза, заорал выпрыгнувший из машины старшина и нервно захлопал себя по бокам. Поняв, что стрелять, собственно, не из чего, выругался, нырнул обратно в салон, достал кобуру, снова выругался, снова нырнул и показался уже в фуражке. – Стой, урод! Стреляю в воздух!

Старшина бросился за Фархадом, тот добежал до угла, споткнулся, уронил унитаз и ничком упал на асфальт, закрыв голову руками, как это следует делать при бомбардировке.

– Я не терарыст, я не терарыст! – заплакал Фархад, когда подскочивший старшина принялся выкручивать ему руки.

«Теперь точно терроризм пришьют». Вася уныло посмотрел на блеснувшие на поясе лейтенанта наручники.

– Регистрация есть? – прищурился лейтенант.

– Есть... то есть нет. – Вася вспомнил про отобранный Трифоновым паспорт. – То есть была...

– Понятно. – Лейтенант остановился в метре от Васи. – Чего в чемодане?

– Инструменты, – неуверенно ответил Василий.

– Понятно.

– Со стройки мы. Работаем там, – махнул Вася рукой в сторону забора.

– Вот, товарищ лейтенант, – старшина отдышался и врезал Фархаду подзатыльник. – Бегать он, сука, надумал, а? Бегать он от меня решил, козел!

Лейтенант вопросительно посмотрел на старшину.

– А унитаз того. – Старшина поправил фуражку. – Этот, об асфальт расколол.

– Ми иво на ситройка нашли, на ситройка, ай-яйяй-ай-ай! Ай! – завизжал Фархад, получив от старшины очередной удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.